
ИСТОРИЯ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

Г. И. КУРГАН

РУССКИЙ РАСКОЛ, ЕГО ИСТОКИ И ИССЛЕДОВАНИЕ В ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ РОССИИ XIX–XX ВВ.

В оценке реформаторской деятельности царя Петра мы резко расходимся с современным российским обществознанием, которое, будучи насквозь пропитанным западничеством духом, кардинально преувеличивает ее успех. По нашему убеждению, положительные итоги петровских преобразований не так уж и велики. Это, в основном, перемены в сфере внешней культуры, обусловленные контактами с «цивилизованной» Европой, повышение обороноспособности страны. Однако в дальнейшем все это обесценивается острейшими противоречиями, заложенными реформатором в здание российской государственности.

Главное из этих противоречий – раскол российского общества. Очевидно, что сделать из России Европу царю Петру не удалось. Но ему удалось превратить в европейцев весьма тонкий верхний слой российского общества – дворян, на которых возлагалась задача дальнейшей «вестернизации» страны. Так при Петре Россия на столетия разделяется на две неравные части: европейское по своему мировоззрению и культуре дворянство и оставшийся при прежних своих представлениях и привычках народ. В сущности, это были два разных народа, которые перестали понимать друг друга, и отчуждение между которыми только нарастало, приведя к глубочайшим потрясениям начала XX века.

«Именно с Петра начинается великий и подлинный русский раскол»¹, который становится доминирующим фактором всей последующей истории России.

¹ Прот. Г. Флоровский. Пути русского богословия. – Киев, 1991. – С. 82–83.

Был ли неизбежным русский раскол? Какими были бы последствия реформ, если бы Петр I ограничил взаимодействие России с цивилизацией Запада одним только заимствованием внешней культуры: вооружения, техники, достижений науки? Вообще, возможна ли, говоря современным языком, модернизация без вестернизации?

Нельзя не констатировать существенной разницы в том, как отвечали на этот последний, принципиально важный для понимания петровских реформ вопрос славянофилы и евразийцы. Первые считали, что модернизация (то есть техническое обновление производства и перевооружение армии посредством заимствований из Европы) могла бы и должна была бы осуществляться без вестернизации (то есть заимствования западного духа), поскольку вся область внешней культуры, как они думали, индифферентна, в силу ее общечеловеческого якобы характера, коренным началам любой цивилизации². Нельзя только переступить эту границу в реальном взаимодействии культур.

Иной ответ на этот вопрос мы находим у евразийцев. Вот что пишет в одной из ранних своих работ Н. С. Трубецкой: «Когда европейцы встречаются с каким-нибудь неромано-германским народом, они подвозят к нему свои товары и пушки. Если народ не окажет им сопротивления, европейцы завоюют его, сделают своей колонией и европеизируют насильственно. Если же народ задумает сопротивляться, то для того, чтобы быть в состоянии бороться с европейцами, он принужден обзавестись пушками и всеми усовершенствованиями европейской техники. Но для этого нужны, с одной стороны, фабрики и заводы, а с другой – изучение европейских прикладных наук. Но фабрики немислимы без социально-политического уклада жизни Европы, а прикладные науки – без наук «чистых»³. Таким образом, для успешного противостояния европейской экспансии, народ, о котором идет речь, вынужден усваивать сам дух и реальные формы жизни западного мира. Вестернизация оказывается неизбежной. Утешаться приходится лишь тем, что милитаризм не вечен, отмечает Н. С. Трубецкой.

² См.: Самарин, Ю. Ф. Избранные произведения. – М., 1996. – С. 546.

³ Трубецкой, Н. С. Европа и человечество // Трубецкой, Н. С. История. Культура. Язык. – М., 1995. – С. 98.

К такому же заключению приходит видный русский публицист Г. П. Федотов. Размышляя о ситуации в России накануне петровских реформ, он пишет: «Как разрешить эту повелительно поставленную судьбой задачу: усвоить немецкие хитрости, искусства, науку, не отрекаясь от своих святынь? Возможна ли простая прививка немецкой техники к православному быту? Есть люди, которые еще в наши дни отвечают на этот вопрос утвердительно. Но техника не падает с неба. Она вырастает как побочный плод на древе разума, а разум не может не быть связан с Логосом. Пустое место, зиявшее в русской душе именно здесь, в «словесной», разумной ее части, должно быть заполнено чем-то. В десятилетие и даже в столетие не вырастает национальный разум. Значит, разум тоже будет импортироваться вместе с немецкими пушками и глобусами. Иначе быть не может. Но это страшно. Это означает глубокую деформацию народной души, вроде пересадки чужого мозга, если бы эта операция была возможна. Жестоко пробуждение от векового сна. Тяжела расплата – люди нашего поколения ощущают это, как никогда. Но другого пути нет. Кто не понимает этого, тот ничего не понимает в истории России и русской интеллигенции»⁴.

Эмпирические подтверждения этому выводу в сколь угодно количествах можно найти в работах английского историка А. Дж. Тойнби, который проявляет специальный интерес к ситуациям «столкновения цивилизаций»⁵. Обосновывая этот тезис о невозможности модернизации без вестернизации, Тойнби утверждает, что любая цивилизация существует как целостность. Поэтому, импортируя технологические достижения инокультурного происхождения, заимствующая цивилизация впускает в себя «механического Троянского коня». Через пробитую им брешь устремляются другие элементы культуры, производя разрушительный эффект, подтачивая исконную традицию и завоевывая для себя все новые и новые пространства. «Одно с неотвратимостью влечет за собой другое»⁶, – констатирует ученый.

⁴ Федотов, Г. П. Судьба и грехи России. – Т. I. – М., 1991. – С. 77–78.

⁵ Речь идет, главным образом, о взаимодействии Запада с менее развитыми в технологическом отношении цивилизациями России, исламского мира, Индии, Японии, Китая (см.: Тойнби, А. Дж. Цивилизация перед судом истории. – СПб., 1995).

⁶ Тойнби, А. Дж. Постигание истории. – М., 1996. – С. 475.

Однако неясной остается при этом конкретная природа данного феномена (ссылка на целостность цивилизации слишком абстрактна). Дело же, по нашему убеждению, заключается в следующем. Внешняя культура есть решение вопроса о средствах достижения целей, формулируемых в культуре духовной. Поэтому исторически в каждой цивилизации складывается свое преимущественное направление развития технологии и техники (что не исключает и областей их пересечения и совпадения). В Индии, например, таким направлением является техника йоги, выполняющая традиционную для индуизма задачу регулирования психосоматических процессов. Для цивилизации Китая, особо чувствительной к проблеме долголетия, на первый план выходят вопросы рационализации жизни, а в историческом прошлом – поиски в области алхимии. Западная же цивилизация, с характерной для нее доминантой внешнего устройства жизни (удовольствия, комфорт), сориентирована на индустриализм как средство «покорения природы». Ценность знания о природе («знание – сила») – и нелюбовь к метафизике! – важнейшая особенность западного отношения к миру, сформировавшегося в XVII веке.

Усвоение какой-либо цивилизацией элементов любого из обозначенных направлений развития науки и технологии других цивилизаций с неизбежностью влечет за собой и хотя бы частичное усвоение соответствующего духовного комплекса.

Аналогично обстоит дело и со сферой военной технологии и обороны. Необходимо ясно сознавать, что западное военное искусство есть производное от западного же образа жизни. Поэтому любое незападное государство, ставящее перед собой цель освоения первого (военного искусства), будет вынуждено импортировать и второе (элементы образа жизни), то есть вестернизироваться. «Русский, турецкий, как и любой западный, офицер может действительно овладеть премудростями профессии на западном уровне лишь в том случае, если овладеет также навыками западной цивилизации, которые не найти ни в учебниках, ни на плацу»⁷.

Конец XVII века – время вступления на трон Петра – начало эры научно-технического прогресса. Создать боеспособную армию теперь уже было невозможно без промышленности: воинственный

⁷ Тойнби, А. Дж. Цивилизация перед судом истории. – С. 166.

Запад можно было сдерживать лишь его же собственными средствами. Промышленность же нельзя было импортировать отдельно от науки и духовной культуры. Необходимо было вводить также западные формы образования, здравоохранения, управления и т. п.

По этой схеме и шел реальный процесс вестернизации петровской и послепетровской России. Сначала вводились в русскую жизнь отдельные черты «цивилизации», и лишь потом происходила постепенная прививка духовной культуры. Весь процесс тянулся долго. Так, «цивилизация» (технические знания, умения, навыки и нравы) стала внедряться при Петре, тогда как духовные основы европейской культуры стали усваиваться, да и то только в высшем слое, к концу XVIII века.

Так в чем же в таком случае вина царя Петра? Наш ответ на этот весьма непростой вопрос: ответствен царь-реформатор не за вестернизацию как таковую (не вполне справедливый упрек славянофилов!), а за то, **как** она происходила, за ее **масштабы**. Истина (и истина парадоксальная!) – в том, что, хотя вестернизация России была неизбежной, с нею вместе с тем надо было бороться и бороться изо всех сил, сдерживая ее, ограничивая ее наиболее отрицательные проявления и последствия. Петр же задачей заимствования западной технологии увлекся настолько, что она для него обратилась в самоцель, и никаких мер против заражения страны европейским духом он не принял. Более того, вестернизацию (а не только модернизацию!) царь Петр поощрял – а это было уж совсем недопустимо. Поэтому именно в России вестернизация приняла столь катастрофические для ее национального духа и жизни масштабы.

К этому надо прибавить насмешки и прямые гонения в отношении почвенной культуры, допускавшиеся Петром. Это наносило национальному чувству русского человека тяжелые оскорбления, разрушало морально-нравственные основы российской жизни в целом.

Итак, как уже говорилось, заимствование европейской техники было необходимо в целях самосохранения и укрепления государства, неизбежной была и определенная вестернизация. Но те формы, в которые это заимствование вылилось при Петре, не только не вытекали из указанных целей, но прямо им противоречили: «Никакое иностранное завоевание не разрушило бы так всей национальной культуры России, как реформы Петра, предпринятые первоначаль-

но для обороны России от иностранного завоевания»⁸. Задача была выполнена именно так, как не надо было ее выполнять, произошло именно то, чего следовало больше всего остерегаться: возросшая внешняя мощь страны была куплена ценой едва ли не полного ее культурного и духовного порабощения Европой.

* * *

Возникшая в России с первой половины XVIII века новая культурно-историческая ситуация не осталась незамеченной отечественным обществознанием. Первыми тревожную тему раскола российского общества в отечественной мысли затронули славянофилы. Наметившись в 40-е годы XIX века, она в дальнейшем начинает звучать все громче и громче. Указанный рубеж не случаен. Денационализация правящего слоя России достигла к тому времени своих крайних пределов и форм, вылившись в отказ этого слоя не только от традиционного для Руси мировоззрения – в пользу мировоззрения западного, – но и от национальных обычаев, традиционной одежды и даже родного языка. И это не могло не будоражить российскую общественность.

С другой стороны, события 1812 года и особенно 1825-го – по существу, впервые после начала петровских преобразований – показали так явно опасность дальнейшего развития России по европейскому пути, породив волну отката части общества к «почве» (на гребне которой, кстати, и зародилось славянофильство). Тенденции эти столкнулись с необычайной силой, поставив острый вопрос: Россия – Запад или Восток? Должна ли она и дальше стремиться в Европу или же ей следует двигаться собственным путем?

Разделение верхов российского общества и народа было столь глубоким, что не шло ни в какое сравнение с размежеваниями, существовавшими в Европе: ни с сословными – по признаку социальному, ни с классовыми – по признаку экономическому, ни с религиозными – по признаку духовному, ибо европейских католиков и протестантов объединяла культура, в России же как раз **культурные различия** при одной, формально, вере проявились более всего. Это было совершенно особое явление, которого не существ-

⁸ Трубецкой, Н. С. Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока // Трубецкой, Н. С. История. Культура. Язык. – С. 243.

вовало больше нигде. Даже сравнение с завоевателями и поработанными здесь не подходило, ибо значительную часть правящего слоя Империи – при всех издержках национальной и кадровой политики ее руководителей – составляли представители коренных этносов страны. Тем острее, чувствительнее воспринималась с обеих сторон эта уже укоренившаяся в обществе рознь.

Славянофилами указанное разделение было осмыслено как «культурный раскол». С их «подачи» данная тема становится одной из наиболее актуальных в отечественной историософии и публицистике. Она активно обсуждается в последующие десятилетия вплоть до революции представителями как славянофильского, так и западнического направлений.

Но западниками эта тема осмысливается в совершенно ином ключе. Для них раскол в исторической перспективе – хотя и чрезвычайно болезненный, но в целом естественный и неотвратимый процесс окончательного вживания России в европейскую (общечеловеческую, согласно их воззрениям) цивилизацию. Их мысль в этом пункте отличается крайним оптимизмом, если не сказать, наивностью. По утверждению одного из них – А. И. Герцена⁹, все это означает вступление нашей молодой и пока еще «полудикой», «необузданной» страны в «великий поток истории». Стоит ли тогда волноваться, разжигать в обществе страсти, как это делают «экзальтированные славянофилы»? Ведь происходящее – что-то вроде возрастной ломки голоса юноши: момент неприятный, однако неизбежный и преходящий вполне. **«...С петровского разрыва на две Руси начинается наша настоящая история»** (выделено мною. – Г. К.)¹⁰.

⁹ А. И. Герцену принадлежит одно из самых точных в отечественной литературе описаний раскола: «Проведенная Петром I революция разделила Россию на две части: по одну сторону остались крестьяне свободных и господских общин, посадские крестьяне и мещане; то была старая Россия – консервативная, общинная, традиционная Россия, строго православная или же раскольническая, неизменно религиозная, носившая национальную одежду и ничего не воспринявшая от европейской цивилизации. На эту часть нации правительство, что случается при победивших революциях, смотрело как на сборище недовольных, почти как на бунтовщиков. Находясь в немилости, в неопределенном положении, вне закона, она была отдана на волю другой части нации. Новую Россию составляло созданное Петром I дворянство, все потомки бояр, все гражданские чиновники и, наконец, армия» (Герцен, А. И. Собр. соч.: в 30 т. – Т. 7. – М., 1955. – С. 174).

¹⁰ Герцен, А. И. Собр. соч.: в 30 т. – Т. 5. – М., 1955. – С. 25.

Славянофилами же этот разрыв воспринимался, как аномалия, болезнь или даже уродство¹¹. Они особо подчеркивают несовместимость двух культур: принятие Русью западной образованности, отмечает И. В. Киреевский, с неотвратимостью ведет к «уничтожению народной личности»¹². Поэтому не может быть другого исхода, кроме решительного отторжения Россией чужеродных начал. Ему вторит А. С. Хомяков: «Мир художества, так же, как и большая часть нашего просвещения и нашего быта, доказывает всю трудность, всю медленность усвоения чуждых начал и всю неизбежность временного (да, смело можно сказать, **только временно**) раздвоения» (выделено мною. – Г. К.)¹³.

Такая острая полемика развертывалась между славянофилами и западниками вокруг проблемы раскола, охватывая все более широкий круг вопросов взаимодействия российской и западной культур, путей развития двух цивилизаций. И с самого начала этой полемики указанная проблема осмысливалась как часть более широкой и фундаментальной темы взаимоотношения России и Европы, безусловно, центральной в отечественной историософии.

На рубеже 70–80-х годов XIX века наследником славянофильской концепции раскола становится Ф. М. Достоевский. Начав с чисто западнического утверждения в 1873 году: «нам во что бы то

¹¹ «Отчего, по-видимому, ты так безобразна, наша святая, великая Русь? Отчего все, что ни посеешь в тебе доброго, всходит негодной травой, вырастает бурьяном да репейником? Отчего в тебе, – как лицо красавицы в кривом зеркале, – всякая несомненная, прекрасная истина отражается кривым, косым, неслыханно-уродливым дивом?.. Тебя ли не наряжали, не румянили, не белили? За тобой ли не было ухода и призору? Тысячу прислужников холят тебя и денно и ночью, выписаны из-за моря дорогие учителя; есть у тебя и Немцы-дядьки, и Французы-гувернеры, – а все-таки не впрок идет тебе учение, и смотришь ты неряхой, грязным неучем, вся в заплатках и пятнах, и, как дурень в сказке, ни шагу ступить, ни слова молвить кстати не умеешь!.. – Оттого я так безобразна, отвечает святая Русь, что набелили вы, нарумянили мою красу самородную, что связали вы по рукам и по ногам мою волю-волюшку, что стянули вы могучие плечи в немецкий тесный кафтан!.. И связали и стянули, да и нудите: ходить по полю, да не по паханному, работать сохой не прилаженной, похмеляться в чужом пиру, жить чужим умом, чужим обычаем, чужою верою, чужой совестью! О, не хольте меня, вы, отцы, вы, благодетели! Не лелейте меня, вы, незваные и непрошенные, вы, дозорщики, вы, надсмотрщики, попечители, строители да учителя!.. Мне невмочь терпеть вашу выправку! Меня давит, томит ваш тесный кафтан, меня душат ваши пути чужеземные!.. Как не откормить коня сухопарого, не утешить дитя без матери, так не быть мне пригожей на заморский лад, не щеголять мне красою Немецкою, не заслужить у Бога милости не своей душой!» (Аксаков, И. С. Отчего так нелегко живет в России? – М., 2002. – С. 119).

¹² Киреевский, И. В. Критика и эстетика. – М., 1998. – С. 274.

¹³ Хомяков, А. С. Собр. соч. – 4-е изд. – М., 1914. – Т. III. – С. 28.

ни стало и как можно скорее надо стать великой европейской державой»¹⁴, он в 1881 году в последнем, январском, выпуске «Дневника писателя» заканчивает категорической формулой: «...История наша не **может быть похожей на историю других европейских народов**, тем более ее рабской копией. Вот чего не понимают у нас умники, верующие, что все у нас переделается в Европу...»¹⁵. Вчитываясь в страницы знаменитого «Дневника», которым писательверял свои самые сокровенные мысли, нельзя не заметить характерной тенденции: от выпуска к выпуску в эти последние годы нарастает критика Европы, ее враждебности к России, ее культуры, зараженной меркантилизмом, ее гражданского строя, где «все подкопано и, может быть, завтра же рухнет бесследно на веки веков...»¹⁶.

Одновременно усиливается и критика русской интеллигенции как идейной наследницы Запада. Именно на интеллигенцию, с ее нигилистическим отношением к национальным традициям, возлагает Достоевский ответственность за трагическое для судьбы страны духовное размежевание российского общества. Он убежден, что размежевание это должно быть преодолено – не через абстрактное примирение сторон в духе взаимной «христианской» любви, а через перерождение интеллигенции, критический пересмотр ею своих идейно-нравственных позиций. К интеллигенции обращен его знаменитый призыв, прозвучавший в «Пушкинской речи», – призыв о смирении, признании ею правды народной и духовном возвращении домой. Однако пойдет ли интеллигенция по этому пути – вот вопрос, «от которого зависит, может быть, все наше будущее!»¹⁷. Если же – нет, если она предпочтет утвердиться в своем европеизме, стремясь и дальше все переделать «под Европу», то, как провидчески предостерегает писатель, «дело может кончиться даже бедой»¹⁸.

Свидетелем этой беды и, более того, ее жертвой становится через несколько десятилетий А. Блок, для которого, как и для Достоевского, русский раскол есть «самый больной», «лихорадочный»

¹⁴ Достоевский, Ф. М. Полн. собр. соч. – Т. 21. – Л., 1980. – С. 36.

¹⁵ Достоевский, Ф. М. Полн. собр. соч. – Т. 27. – М., 1984. – С. 22.

¹⁶ Там же. – Т. 26. – М., 1984. – С. 131.

¹⁷ Там же. – Т. 27. – С. 13.

¹⁸ Там же. – С. 22.

вопрос¹⁹. Этому вопросу он посвящает серию публицистических статей, которые издает отдельной брошюрой в наполненном буйством раскола 1918 году. Чем же примечательны размышления поэта на эту далеко не отвлеченную для России тему, которая, как он замечает пророчески, «рано или поздно, погасит все докучные партийные и личные споры...»?²⁰

Во-первых, ясно выраженной «народнической» позицией. Так же, как и его духовный предтеча Достоевский, Блок безоговорочно встает на сторону «почвы», заявляя со всей убежденностью, что «европейская цивилизация в России никогда не привьется...»²¹.

Во-вторых, нараставшим год от года, по мере приближения революции, пониманием нереальности единения народа и интеллигенции, непреодолимости той роковой черты, которая, словно «туманная речка Непрядва» перед Куликовским сражением, пролегает между двумя враждующими станами, разъединяя их. Интеллигенция духовно больна и не может, а главное, не хочет найти противоядие от этой своей смертельной болезни. «Когда я заговорил о разрыве между Россией и интеллигенцией (эту последнюю поэт, заметим, ставит как бы вне России. – Г. К.), более всего поразил меня удивительный оптимизм большинства возражений: до того удивительный, что приходит в голову, не скрывается ли за ним самый отчаянный пессимизм?.. Я говорил о расколе; мне говорили, что нет раскола, да и нечему раскалываться. Я говорил о том, что мы любим и ненавидим вместе далекую от нас Россию; мне отвечали: «Мы сами – Россия»²². Отсюда неотступное, неодолимое, почти физическое ощущение надвигающейся на страну катастрофы, сопровождавшее поэта в предреволюционные годы. Гоголь, Гончаров, ранний Тургенев и другие русские писатели, отмечает Блок, любили изображать Россию, как воплощение тишины и сна. «Но этот сон кончается; тишина сменяется отдаленным и возрастающим гулом...»²³ Гул этот есть предвестник приближающейся революции.

¹⁹ Блок, А. Россия и интеллигенция // Слоним, М. Русские предтечи большевизма. – М., 2000. – С. 27.

²⁰ Там же. – С. 35.

²¹ Там же. – С. 28.

²² Там же. – С. 37–38.

²³ Там же. – С. 34.

Быть может, самая глубокая мысль этих блоковских статей – понимание революции как следствия духовного раскола России. В свою очередь, смысл революции Блок усматривает в том, чтобы раскол этот устранить, разумеется, присущими ей насильственными методами. Сильнейшее впечатление оставляет сравнение по-этом, в духе Гоголя, России с птицей-тройкой, которая в своем стремительном полете гремит, разрывая воздух, и мчится «прямо на нас». И уже повисла над нами косматая грудь коренника и готовые опуститься тяжелые копыта²⁴.

Стоит обратить внимание на это слово – «нас». Поэт вполне трезво оценивает ситуацию. Он отдает отчет в том, что вышедшая из повиновения тройка летит и на него в том числе, грозя подмять и его самого своими острыми копытами. И даже предчувствует такой финал: «Все, все, что гибелью грозит, таит неизъяснимы наслаждения», – вспоминает он пушкинские строки²⁵.

И вместе с тем он принимает революцию и даже (в поэме «Двенадцать») религиозно освящает ее, воспринимая ее как историческое творчество, как очищение огнем, как месть «образованному сословию» разбуженной от «векового сна» народной стихии и даже как просто разгул поднятых революционной анархией со дна жизни антисоциальных элементов. «Что же вы думали? Что революция – идиллия? Что народ – паинька? Что сотни обыкновенных жуликов, провокаторов, черносотенцев, людей, любящих погреть руки, не постараются ухватить то, что плохо лежит? И, наконец, что так “бескровно” и так “безболезненно” и разрешится вековая распря между “черной” и “белой” костью, между “образованными” и “необразованными”, между интеллигенцией и народом?»²⁶

* * *

После 1917 года тема революции стала тем смысловым стержнем, вокруг которого сложилась русская историософская мысль за рубежом. В этой точке, как в фокусе, сходились исследовательские устремления и поиски едва ли не всех ее представителей. Каковы истоки революции, причины ее особой разрушительности и жесто-

²⁴ Блок, А. Указ. соч. – С. 34.

²⁵ Там же. – С. 13.

²⁶ Там же. – С. 16.

кости? Почему она стала поворотным событием не только российской, но и всемирной истории? И, главное, в чем ее действительный смысл? Настойчиво пытались они постичь содержание той правды, которую раскрывает, по мнению многих из них, в этих событиях Россия. Ибо революции, будучи эпохами гигантских культурно-социальных катаклизмов, подобных тектоническим сдвигам, «суть в то же время эпохи милости и озарения»²⁷.

Подавляющее большинство из них были убеждены в неслучайности событий революционного Октября. В этом контексте ими отвергалась либеральная версия произошедшего, согласно которой революция была переворотом, который организовала группа заговорщиков, прибывших тайно из-за рубежа. Октябрьская революция, полагали они, есть восстание российской народной стихии против петровской европеизации. Революция свершила суд над петербургским периодом нашей истории. «Если угодно, вся революция есть, в сущности, контрреволюция, исподволь подготавливавшийся отпор народного ядра тому единоличному дерзанию, которое нарушило органическое развитие русской жизни и сделало попытку подчинить ее внешним, земным целям – с полным забвением целей иных»²⁸.

В указанном смысле главное противоречие Октября – не **классовое**, в основе которого лежат материальные факторы, а **культурно-историческое**, не исключающее, впрочем, и роли классовых антагонизмов. В действительности, речь идет о наложении одних противоречий на другие, но выше классовой розни была возростающая от десятилетия к десятилетию в империи Петра стена непонимания между интеллигенцией (всем правящим слоем России) и народом. Это последнее обстоятельство подчеркивалось настоятельно. В Петербургской России «всего глубже была пропасть между простым народом, живущим еще обломками прежней национальной культуры, и слоями, уже начавшими европеизироваться, – писал, например, Н. С. Трубецкой. – В отношениях между этими двумя слоями социальный момент смешивался с национально-культурным: “барин” был для простого народа не только предста-

²⁷ Сб. Исход к Востоку. – София, 1921 // Совр. публ.: Исход к Востоку. – М., 1997. – С. 50.

²⁸ Флоровский, Г. В. О патриотизме праведном и греховном // На путях. Утверждение евразийцев: сб. – Берлин, 1922. – С. 278.

вителем господствующего класса, но и носителем чужой культуры; “мужик” же был для так или иначе европеизированного или хотя бы только прикоснувшегося к европеизации человека не только представителем бесправного сословия, но и “темным”, дикарем»²⁹.

Поэтому Октябрьская революция, по своему существу, есть не столько восстание бедных против богатых, сколько – презираемых против презирающих. Культурно-исторический аспект здесь, безусловно, определяющий. В терминах этнологии Л. Н. Гумилева, Октябрьская революция – это столкновение суперэтносов, поскольку весь правящий слой Петербургской империи, включая интеллигенцию, был денационализирован, являлся своеобразным осколком, чужеродным вкраплением романо-германского суперэтноса в поврежденном европеизацией российском социуме. Отсюда реакция отторжения этого осколка, борьба не на победу над противником, как в опыте европейских революций, а на его уничтожение.

Некоторым аналогом нашей революции могут быть гражданские войны периода Реформации в Германии и Франции с их известной жестокостью и кровожадностью³⁰. Но и эта аналогия неполная. Католиков и гугенотов Франции разъединяли верования, однако культура, к которой они принадлежали, была все-таки общей – романо-германской культурой. В России противоборствовавшие стороны расходились радикально как в мировоззрении, так и в культуре.

Близко к пониманию этой ситуации еще до революции подошел один из авторов «Вех» – М. О. Гершензон. «Есть коренное различие между отношением народа к имущим и образованным на Западе и этим отношением у нас. И там народ ненавидит барина и не понимает его языка, но там непонимание и ненависть коренятся в умопостигаемых чувствах. Там народ ненавидит барина за то, что барин живет сыто, не трудясь физически, что трудами прежних поколений народа барин накопил себе крупный излишек, который дает ему возможность и жить в роскоши, и держать народ в безыс-

²⁹ Трубецкой, Н. С. Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока // Трубецкой, Н. С. История. Культура. Язык. – М., 1995. – С. 245.

³⁰ По утверждению Л. Н. Гумилева, в период Тридцатилетней войны в Германии (1618–1648) погибло 3/4 населения страны (см.: Гумилев, Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. – М., 1994. – С. 493).

ходном рабстве, и приобретать знания, помогающие ему опять-таки эксплуатировать народ. Это – озлобление раба против господина и зависть голодного к сытому. ...Но там нет той метафизической розни, как у нас, или, по крайней мере, ее нет в такой степени, потому что нет глубокого качественного различия между душевным строем простолюдина и барина. ...Между нами и нашим народом – иная рознь. Мы для него не грабители, как свой брат, деревенский кулак; мы для него даже не просто чужие, как турок или француз: он видит наше человеческое и именно русское обличье, но не чувствует в нас человеческой души и потому он ненавидит нас страстно, вероятно, с бессознательным мистическим ужасом, тем глубже ненавидит, что мы свои»³¹.

Нельзя не отметить глубины гершензоновской характеристики и удачности данного им определения: рознь, которая проявлялась в отношениях народа и высшего слоя России на всем протяжении петербургского периода истории, – действительно, **«метафизическая»**, ибо ко всему, что обычно разделяет низшие и высшие strаты в социально дифференцированном обществе, здесь прибавляется неизмеримо более важное – **несовместимость их глубинных духовных устремлений и верований, представляющих два принципиально разных пути мировой истории**. В одном и том же обществе и социальном пространстве сошлись две силы, точек соприкосновения у которых практически не было и которых было невозможно примирить. Отсюда вывод Гершензона: «Каковы мы есть, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом, – бояться его мы должны пуще всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной»³².

Надо сказать, что рознь эта – а соответственно и «ярость народная» – по мере нашего движения по «прогрессивному» европейскому пути становилась все более и более глубокой. В. О. Ключевский писал в 1911 году: «Чем более сближались мы с Западной Европой, тем труднее становились у нас проявления народной свободы, потому что средства западноевропейской культуры, попадая в

³¹ Гершензон, М. О. Творческое самосознание // Вехи. Интеллигенция в России. – М., 1991. – С. 100–101.

³² Там же. – С. 101.

руки немногих тонких слоев общества, обращались на их охрану, не на пользу страны, усиливая социальное неравенство, превращались в орудие разносторонней эксплуатации культурно безоружных масс, понижая уровень их общественного сознания и усиливая сословное озлобление, чем подготовляли их к бунту, а не к свободе»³³. В итоге, к началу XX века, мы имели эгоистическую элиту, в основной своей массе безразличную к России, русским, а в значительной части – и прямо враждебную ей: многие европеизированные «господа» относились к рабоче-крестьянскому населению, как к низшей расе. Прибавим к этому нерешенный земельный вопрос и острые социальные противоречия в городах. Особую роль в углублении кризиса сыграла война, которая раздвинула и углубила трещину между верхним слоем России и массой народа: разверзлась бездна, которая поглотила страну.

Гибель Петербургской России стала закономерным итогом развития тех негативных тенденций, которые были заложены деятельностью ее основателя. Столкнув Московскую Русь с ее исторического пути, вступив на стезю перекройки «русского материала» по европейским образцам, царь Петр поставил власть в положение борьбы с народом, и борьба эта рано или поздно должна была завершиться восстанием народа против всего ненавистного ему уклада жизни. «Родоначальник ты Советов – ревнитель ассамблей», – сказала как-то в адрес Петра Марина Цветаева. И это не только остроумно, но и, по сути, правильно.

Г. П. Федотов в своей работе «Трагедия интеллигенции» (1926) дает такое определение сущности революции: «преодоление интеллигенции»³⁴. В итоге, к концу 30-х годов, не будет преувеличением сказать, «преодоленной» оказалась практически вся формация петровской интеллигенции России. Оставим любителям нравственных оценок истории желание и право морализировать на этот счет. Поставим главный для нашей темы вопрос: что означает это событие для России в аспекте культурно-историческом? Ответ представляется очевидным: оно означает преодоление двухвекового общественного раскола России, **правда, пока только в плоскости культуры**. Новая интеллигенция, поднятая революционной

³³ Ключевский, В. О. Соч.: в 9 т. – Т. 9. – М., 1990. – С. 458.

³⁴ Федотов, Г. П. Судьба и грехи России. – СПб., 1991. – Т. 1. – С. 98.

стихий из самых народных низов («полуинтеллигенция», по определению Н. Бердяева), отличается от прежней кардинально. Она предана советскому строю, преодолев одну из самых характерных черт своей исторической предшественницы – «безгосударственность», и в то же время чувствует свою кровную связь с великим народным материком. Но главное, это слой, которого практически не коснулось влияние западной культуры – в узком смысле этого последнего понятия. Поэтому первое, что она сделала, – отвернулась от «буржуазной» Европы. Нельзя не констатировать: никогда, со времен Московского Царства, Россия не была отгорожена от Европы такой высокой стеной.

Глубочайшая пропасть, разделявшая «низы» и «верхи» в Петербургской империи, оказалась, в основном, разрушенной. Советская Россия 30–50-х годов отличается неизмеримо большей культурной однородностью и органичностью, достигнутой, правда, ценой временного (но быстро преодоленного) снижения среднего уровня культуры. Народ перестает ненавидеть интеллигенцию, поскольку сознает ее социальное и культурное родство.

Чудовищная парадоксальность произведенного революцией культурно-социального сдвига заключается в том, что именно дворянство в лице наиболее «прогрессивных» представителей этого слоя и произошедшая от него интеллигенция внедряли в сознание общества и самого народа революционную идею на протяжении всего XIX века. Осуществившись, она истребила своих отцов едва ли не до последнего корня.

Итак, восставшая в революции Россия в мощном порыве преодолела складывавшееся в течение ряда столетий политики европеизации **культурное** противоположение широкого правящего слоя и народа. Но «двухсотлетняя оторванность интеллигенции от почвы не спускается даром» (Ф. М. Достоевский). Какой ценой это было достигнуто! Сколько было пролито крови, в том числе и невинной! Социальное потрясение, произведенное революцией, сродни геологическому сдвигу, оно прокатилось по территории страны, как опустошительное землетрясение. Целые классы и условия сметены были с лица российской земли.

Вправе ли мы, однако, за это революцию осуждать и отвергать? Наивны были бы суждения о революции с точки зрения морали-

стической, подчеркивает Н. Бердяев³⁵. Стоять здесь нужно на твердой почве исторического подхода. А принятие этого подхода означает и признание революции как неизбежности в условиях духовно расколотого реформаторами-западниками российского общества.

Да, революция есть ужас и безумие, но под поверхностью этого безумия творилась история будущей России. Этой новой России был нужен уход европейски воспитанного правящего слоя с арены общественного бытия, так как это открывало дорогу здоровой по своим устремлениям национальной стихии.

³⁵ См.: Бердяев, Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М., 1990. – С. 109.